

Ирина Волкова

Большой террор и советская школа

1. Введение

Школа как транзитная зона Большого террора еще не была предметом самостоятельного исследования, несмотря на ряд высказанных важных суждений о ней. Некоторые исследователи полагают, что она оставалась островком относительной стабильности в роковые 1937-1938 гг. в силу стремления власти не подрывать веру в социализм и светлое будущее среди подрастающего поколения (Андреев 2008: 227). Т. Юинг, написавший книгу о сталинских учителях, с одной стороны, декларирует, что школа "не могла оставаться тихой гаванью, когда по стране ходили волны репрессий". Однако, с другой, признает, что она была "безопасным местом" потому, что не представляла угрозы сталинизму. По его оценкам, учительский корпус пострадал от репрессий меньше остальных профессиональных сообществ (Юинг 2011: 224, 239). Л.Е. Холмс, изучивший работу элитных учебных заведений в Москве и Кирове, установил, что их учительский состав репрессии обошли стороной (Holmes 1997: 303; 2008: 86), а позиция практически всех учеников в этот период определялась непоколебимой верой в коммунистический идеал и равнодушием к происходящим арестам, которые списывались на те или иные просчеты жертв. Даже пострадавшие дети, сомневаясь в вине своих родителей, не сомневались в справедливости советской системы (прозрение для многих наступило позднее) (Holmes 1999: 98-100). С этим выводом согласуются заключения ряда других исследователей о глубокой интегрированности детей, включая большинство тех, кому власть нанесла ущерб, в систему советских символов и ценности (Kuhг 1998: 218; Fürst 2006: 343-344; Figs 2008: 133-134).

Отдельные историки акцентируют внимание на росте отклоняющегося поведения среди несовершеннолетних. Базовые причины тому усматриваются, во-первых, в подмене реабилитации проблемных тинэйджеров их размещением в специальных закрытых учреждениях (Plaggenborg 2001: 294; Rittersporn 2001: 65-66). Такой подход, по мнению Д. Ширера, содействовал их виктимизации и порождал ответную социальную агрессию (Shearer 2009: 220, 222). Во-вторых, в применении к неустойчивым подросткам критерия потенциальных участников "пятой колонны", с каким власть подходила к социально чуждым элементам во второй половине 1930-х гг. (Shearer 2018: 204).

Темой ряда работ стала судьба детей "врагов народа". Как считает Ю. Фюрст, данная компонента давала систематический прирост армии беспризорников, а официальная позиция определялась нарративом ее выключения из нормального соци-

ума, наравне с делинквентными подростками (Fürst 2008: 235-236). К. Кур-Королев и К. Келли указывают на амбивалентное отношение государственных структур и чиновников к детям репрессированных. С одной стороны, те придерживались мнения, что “яблоко от яблони недалеко падает”, но, с другой, не желали их превращения в борцов с режимом и не руководствовались априори дискриминационными установками. Жесткие решения в отношении детей старше 15 лет, например, помещение их в колонии НКВД, обуславливались симптомами их политической враждебности (Kuhf 1998: 213-214; Kelly 2007: 113, 115). В отдельных публикациях отмечается щадящее отношение работников НКВД к несовершеннолетним нонконформистам: инкриминируемая им антисоветская агитация приводила к наказанию тогда, когда сочеталась с другими преступлениями (Суслов 2011: 193)

Следует, однако, думать, что, если поблажки учащимся и учителям имели место, то они не могли предотвратить политической турбулентности, которая проникала в школьные стены из социума. По справедливому замечанию М. Юнге и Р. Биннера, в 1937-1938 гг. осуществлялись разные виды террора, порождаемые различными причинами (Юнге, Биннер 2003: 243). Цель данной статьи состоит в том, чтобы установить, какие конкретные формы получали импульсы террора, встречаясь с устремлениями главных школьных акторов – учителей, комсоров и учащихся, а также выявить характерные для них мотивы, модели поведения и результаты активности.

Документальную базу исследования составляют, во-первых, докладные записки, отчеты комсоров, информационные сводки комитетов комсомола о происшествиях в школах, направлявшиеся в ЦК ВЛКСМ и ЦК ВКП(б); инструкции, стенограммы совещаний и Пленумов ЦК ВЛКСМ, протоколы заседаний секретариата и бюро Московского городского и областного комитетов комсомола по вопросам работы школ. Во-вторых, документы органов образования: приказы, отчеты, стенограммы совещаний Наркома просвещения (далее НКП) и московского городского отдела народного образования (гороно). В-третьих, эго-документы: дневники, письма, воспоминания.

2. *Комсорги в роли “санитаров педагогического леса”*

Несмотря на то, что в 1930-е гг. комсомол не претендовал на соучастие в выработке образовательной политики, как это было в 1920-е, его отношения с органами образования не были гладкими (Fitzpatrick 2002: 29, 46). С 1935 г. эти трения переместились на школьные площадки, а их основными возбудителями стали комсорги ЦК ВЛКСМ, включенные в штат городских школ и подчиненные своему руководству, а не школьной администрации.

Возглавляя комсомольскую ячейку школы, комсорги быстро обрастали своей клиентелой из пионервожатых, старшеклассников – комсомольцев, от которых получали разнообразную информацию. Безусловно, они не были единственными осведомителями контрольных инстанций о происходящем в школе. Как справедливо указывает Т. Юинг, в этой роли порой выступали и сами учителя (Юинг 2011: 240-

241). Однако сектор обзора учителей, ограниченный классами, где они вели занятия, и теми коллегами, с которыми взаимодействовали, был более узким, чем у комсorghов, имевших в лице союзной молодежи свои “глаза” и “уши” во всей школе.

К школьным работникам молодые максималисты чаще всего подходили с завышенными требованиями, не принимая в расчет ни сопротивления детской среды эгалитаристскому и дисциплинирующему уклону в образовании второй половины 1930-х гг., ни неопытности молодых учителей, составлявших большинство преподавательского корпуса. Уже в начале 1937 г. комсомол располагал обширной базой данных об учительских злоупотреблениях. Были установлены случаи: побоев учеников директором и выдворения из школы зимой провинившихся детей без верхней одежды; неоказания помощи подросткам в трудной жизненной ситуации (РГАСПИ: ф. М-1, оп. 23, ед. хр. 1265, л. 33-34, 38-39); подавления детской любознательности испуганными педагогами. В двух интернатах Азово-Черноморского края и в детской трудовой колонии “Красные зори” Ленинградской области были вскрыты систематические хищения продуктов и вещей администрацией, неправомерные наказания воспитанников (РГАСПИ: ф. М-1, оп. 23, ед. хр. 1257, л. 1; ед. хр. 1294, л. 69-76). По сути дела, комсорги стали первыми уполномоченными по правам детей, которые вели систематическую регистрацию нарушений этих прав и не давали их замолчать. На фоне частой в 1930-е интерпретации должностных и хозяйственных нарушений как “вредительских” и “контрреволюционных” преступлений многие из фигурантов перечисленных историй имели высокие шансы попасть под обвинения по 58-й статье УК РСФСР (Хаустов и Самуэльсон 2010: 71-72).

Ситуация накалилась еще больше, когда комсомольцы занялись проблемами детской беспризорности и безнадзорности, актуализированными постановлением ЦК ВКП(б) и СНК от 31 марта 1935 г. В свете отношения властей к несовершеннолетним правонарушителям как к податливому материалу для антисоветской агитации разрастание этого контингента по вине школы создавало почву для ее обвинений в подрыве государственной безопасности. В начале 1937 г. московские комсомольцы провели проверку патронируемых детей, отсеченных школой. А по ее результатам заявили: “Мы имеем дело с более или менее сложившимися малолетними преступниками, имеющими несколько приводов [в органы милиции] – свыше двух тысяч таких ребят”. Корень зла комсомольский актив усматривал в самоустранении школы от воспитания и перевоспитания детей с асоциальными наклонностями и добивался расширения своего участия в работе с ними (ЦГАМ: ф. П-635, ед. хр. 153, л. 1-2, 47). Московский “кейс” отнюдь не был исключительным. Как выявили Л.Е. Холмс, Е.Т. Юинг, похожие столкновения между учителями и дирекцией, с одной стороны, и комсомольским активом, с другой, являлись повсеместным спутником школьной жизни 1930-х. (Holmes 2008: 141-143; Ewing 2009: 263).

Сравнительный анализ документов двух ведомств показывает, что по ряду аспектов школьного дела комсомол опережал органы управления образованием. Формируя повестку дня, он добивался обсуждения острых вопросов, которые педа-

гоги и их начальники предпочли бы оставить в тени. Есть все основания думать, что эти будирующие усилия оказали влияние на политику НКП. На эту мысль наталкивает изданная по горячим следам комсомольских инвектив и разосланная по РСФСР серия его приказов об усилении контроля за патронатом и наращивании борьбы с хронической неуспеваемостью, дававшей наибольший процент отсева учащихся (ГАРФ: ф. 2306, оп. 69, ед. хр. 2239, л. 28-29 об.) А на собрании учительского актива в марте 1937 г. нарком просвещения А.С. Бубнов с одобрением повторил призыв комсорга одной из московских школ: “Ближе к ребятам, товарищи учителя и работники образования!” (ГАРФ: ф. 2306, оп. 69, ед. хр. 2298, л. 140).

Возможно, если бы активность комсомола не вышла за указанные рамки, она послужила бы, с одной стороны, эффективной регуляции отношений детей и взрослых в образовательной сфере, а с другой, гуманизации работы с делинквентными школьниками. Однако параллельно она сопровождалась исполнением политического заказа на зачистку детских учреждений от так называемых “идейных перерожденцев” и “вредителей”, фактически продиктованного февральско-мартовским Пленумом ЦК ВКП(б) 1937 г. Данная установка, наряду с критическим отношением к ситуации на школьном фронте самого комсомольского актива, предопределила его обвинительно-инквизиционную тенденцию в политическом инспектировании учительской деятельности.

Ряд сигналов комсомольских информантов был направлен на социально-профессиональную дискредитацию учителей. В частности, учителю истории Земнову из Клина, исключенному в 1927 г. из партии за троцкизм, ставился в вину тот факт, что на уроках он “не вскрывал контрреволюционной сущности троцкизма”, не пользовался сочинениями Ленина и Сталина”. В результате он был отстранен от работы (ЦГАМ: ф. П-635, ед. хр. 178, л. 12-13). Учитель истории и завуч Маклаковской школы из Рязанской области Фокин с “подмоченной” в глазах комсомола репутацией за доноительство на товарищей, критиковавших власть, был уволен за то, что преподавал на уроках первую русскую революцию в “меньшевицкой” версии (указывал на буржуазию как ее главную движущую силу) и рассказывал о важной роли Троцкого при взятии Царицына (ЦГАМ: ф. П-634, ед. хр. 491, л. 73-75). Девушка-комсорг из московской школы на собрании актива при НКП в марте 1937 г. поставила ребром вопрос об увольнении завуча Завистовского, которого аттестовала как сторонника развенчанной педологии, поляка по национальности, не скрывавшего своей антипатии к русским и уважения к Германии: “В Германии все чисто, все в порядке, а у нас на колхозных полях одна грязь, один беспорядок” (ГАРФ: ф. 2306, оп. 69, ед. хр. 2296, л. 5-6). Во всех приведенных случаях основой обвинения являлся компрометирующий факт биографии (бывший троцкист; доноситель; поляк и защитник педологии), к которому в качестве улики прилагались либо неотформатированные высказывания, либо произнесенные ритуально-обязательные фразы о контрреволюционной сущности троцкизма и ленинско-сталинских оценках тех или иных феноменов.

Дотошное комсомольское расследование выявляло педагогов, скрывавших арест членов своей семьи. По подсчетам Т. Юинга, общее количество учителей, включенных в “черный список” из-за родства с “врагами народа” и других компрометирующих фактов биографии в 1937 г. по столице составило 600 человек. А в одном районе Ростовской области таких насчитывалось 1000 человек (Юинг 2011: 229, 235-236). И хотя далеко не все из них были разжалованы из педагогов, над всеми был занесен дамоклов меч увольнения.

Отдельные педагоги лишились рабочего места и были арестованы за единичные высказывания, расходившиеся с официальной линией. Например, завуч одной из Воронежских школ не скрыл своей радости от того, что по приговору над “параллельным антисоветским троцкистским центром” избежал расстрела К.Б. Радек, и даже предположил, что через два года его освободят и поставят на большой пост. Учитель из Новохоперской области утверждал, что формула коммунистического распределения “работать по способностям, а получать по потребностям” устарела. А учитель Анисимов из Воронежской области имел неосторожность усомниться в достижениях родного края, коль скоро его жителям остро не хватало хлеба (РГАСПИ: ф. М-1, оп. 23, ед. хр. 1234, л. 119-120). Под обвинение в пропаганде фашизма было подведено благодушное отношение педагога из школы водников Верхнего Иртыша к черному костюму со свастикой, в котором шестиклассник явился на бал-маскарад 31 декабря 1936 г. (РГАСПИ: ф. М-1, оп. 2, ед. хр. 1258, л. 10).

Вопреки усмотренной информантами политической опасности, поведение учителей во всех описанных случаях не демонстрировало оппозиционности системе, а лишь отражало неудачу в подстройке под ее запросы и требования. Открытое несогласие с официальной политикой учителя заявляли в исключительных случаях. Например, учитель-комсомолец Чабаный из с. Лосево Воронежской области после первого московского процесса 1936 г. пришел в РК ВЛКСМ для того, чтобы заявить протест против расстрела Каменева и Зиновьева (РГАСПИ: ф. М-1, оп. 23, ед. хр. 1186, л. 3). В с. Афанасьеве Свердловской области местная учительница перед Первомайскими праздниками вывела на стене сельсовета лозунг “Конституция – основа деспотизма” (вместо “Конституция – основа демократии”) (ГАРФ: ф. 2306, оп. 69, ед. хр. 2357, л. 28). Учительница из Россошанской школы Воронежской области организовала со школьниками игру-голосование: “Кто за социализм, а кто за Троцкого?”, причем первая подняла руку за Троцкого (РГАСПИ: ф. М-1, оп. 23, ед. хр. 1234, л. 120). Следует думать, что количество пародийных или остро критических учительских откликов на происходящее в стране многократно превышало выявленные. Малочисленность таких эпизодов в информационных сводках, поступавших в ЦК ВЛКСМ и ЦК ВКП(б), свидетельствовала об учительской осведомленности в “фискальстве” комсомольских активистов, избегании неформальных контактов с ними и коллегами, которые подозревались в таких же наклонностях.

В свою очередь стремление комсorghов “подловить” учителей на неосторожном слове, поступке, с приданием им антисоветского смысла, могло быть вызвано не толь-

ко сомнениями в их политической благонадежности, но и претензиями к их моральным и профессиональным качествам. Молодых максималистов могли отталкивать сокрытые одними учителями своего родства с осужденными лицами, расцениваемое как проявление нечестности; отступления от партийной линии в преподавании и непатриотичные высказывания других, способные посеять сомнения в неокрепших детских умах. Правомерно допустить, что энтузиасты коммунистического отношения к труду и воспитания будущих строителей коммунизма, не находя подтверждения своим ожиданиям в педагогической среде, осознанно брали на себя функции ее “чистильщиков”. В стараниях комсомольских радикалов вытравить из учительского сообщества сомнительную компоненту можно усмотреть проявление подмеченной М. Юнге и Р. Биннером тенденции – утраты во второй половине 1930-х антропологического оптимизма, веры в возможность переделки человека (Юнге и Биннер 2003:245). Склонность левацкого молодняка к решительному расчету с “неисправимым” педагогическим контингентом полностью вписывается в функционалистскую модель террора как инструмента иссечения из социального тела “злокозненных” элементов в целях конструирования идеального общества (Weiner 2002; Holquist 2003; Ertz 2008). В то же время она хорошо иллюстрирует вывод “постревизионистов” о том, что, по ходу продвижения репрессивных импульсов сверху вниз ширился круг лиц, готовых их поддержать, и повышался градус нетерпимости к объектам критики (Getty 1998; Junbae 2006; Goldman 2007). Поведение молодежного авангарда в школе указывало на его исполнение призывов партии проявить на практике “большевистскую бдительность” не только по обязанности, но и по внутреннему убеждению.

Тем не менее эти усилия не нанесли учительскому корпусу большого урона. Т. Юинг отмечает, что он пострадало от репрессий менее других профессиональных групп. В списке из 13 таких общностей он занял 10 место, а потери среди учителей составили около 3%¹. По его мнению, эта относительно небольшая величина была обусловлена нехваткой педагогических кадров, из-за которой власть сдерживала их массовое увольнение (Юинг 2011: 228, 238). Это объяснение имеет под собой поч-

---

¹ Сколько-нибудь точные данные о количестве репрессированных учителей отсутствуют. Т. Юинг указывает, что о них можно делать только самые приблизительные выводы по отрывочным указаниям архивных источников, показаниям эмигрантов и данным об уволенных в ходе аттестации учителях (при этом следует иметь в виду, что многие были уволены из-за профессиональной непригодности, а не из-за политической неблагонадежности) (Юинг 2011: 227, 237). В. Васильев и др., стремившиеся уточнить масштаб и социальные мишени террора на основе уголовных дел, заведенных позднее на осуществлявших его чекистов, выявили не более десяти прецедентов учительских преследований (Васильев и др. 2017-2018, I: 216-217, 245, 396, 467; II: 145, 147; III: 109, 125, 268). Л.А. Лягушкина, изучавшая структуру Большого террора на основе “книг памяти» по 5 регионам РСФСР (Алтай, Башкирия, Горьковская область, Северная Осетия, Карелия) выявила 1370 пострадавших учителей (всего по переписи 1937 г. в СССР насчитывалось 969 тыс. учителей), однако, к каким группам работников образования они относились, выяснить не удалось (Лягушкина 2016: 285-289).

ву. Однако оно не помогает понять, почему нехватка кадров не помешала развернуть террор против учителей, и почему вдруг он был свернут тогда, когда только начинался для других групп населения? Этот вопрос будет рассмотрен дальше.

3. *Комсомольская борьба за детские души: методы и результаты*

Если взрослые “оппозиционеры” рассматривались комсомольским активом как объект преследования, то несовершеннолетние – как объект спасения. В основе “спасательных операций” лежала посылка изначальной нормальности ребенка – отпадение от нее приписывалось злокозненной взрослой воле и подразумевало необходимость отделения от источника пагубного влияния. Работу этого механизма демонстрируют три “кейса” 1937 г. Один из их героев – десятиклассник 52-й школы Москвы и кандидат в члены ВЛКСМ Л. Арнольдов после ареста отца (скорее всего, Арнольдова А.М., ответственного работника Наркомата путей сообщения) занял твердую позицию: “пока я не услышу от самого отца о том, что он был троцкист, не поверю, отца своего я любил и буду любить, так как считаю его невиновным”. С формулировкой “за неискренность (сокрытие ареста) и защиту отца” Арнольдов был исключен из кандидатов в члены ВЛКСМ (ЦГАМ: ф. П-635, оп. 1, ед. хр. 149, л. 49). Фигурант другой истории – восьмиклассник 204-й школы В.А. Сосновский, кандидат в члены ВЛКСМ с 1936 г., сразу же поставил в известность комсомольскую организацию об аресте отца, а на вопрос секретариата РК о личном отношении к этому событию заявил: “Раз троцкисты подло обманывали партию и правительство, они обманывали и семью, как видно, отец обманул и меня”. В итоге он был принят в ряды комсомола и получил напутствие “добиться высоких показателей в учебе и большей активности в общественной жизни школы” (ЦГАМ: ф. П-635, оп. 1, ед. хр. 149, л. 50). Одноклассница Сосновского и дочь зам. наркома путей сообщения Я.А. Лившица, обвиняемого на процессе “параллельного антисоветского троцкистского центра”, выразила согласие с приговором суда (“Я присоединяюсь к голосу народа”), однако, сообщила комсомолу об аресте отца и отмежевалась от него с опозданием, за что была исключена из союзной организации (ЦГАМ: ф. П-634, ед. хр. 526, л. 86).

Практика сепарации от родителей закономерно выростала из тенденции, которую С. Хупер обозначает как отработку ведомством Н.И. Ежова методов отделения подлинного лица от личины, настоящей преданности государству и партии от притворной (Ноорег 2013: 33, 54). Готовность отречься от осужденного родителя выступала тестом на приоритетную для молодого человека самоидентификацию с советской системой и освобождала от кланово-родственной ответственности, во многом определявшей репрессивную политику (Alexopoulos 2008: 94-95). Отказ пройти это испытание или же замедление на пути к нему истолковывались не в пользу испытуемого (прецеденты Арнольдова и Лившица). Однако в любом случае, пройденное или нет, оно создавало огромную психическую нагрузку для ребенка. Как единодушно признают исследователи советского детства, юные граждане с энтузиазмом принима-

ли и усваивали советские нормы и ценности, предлагаемые им ролевые модели, дорожили членством в комсомоле (Holmes 1999: 18; 2005: 86-87; Кур-Королев 2011: 374-375). Но в то же время они были привязаны к своим родителям. Поэтому подростки, поставленные перед тяжелым выбором между кровной и символической семьей в лице комсомольской организации, испытывали глубокий дистресс.

Вместе с тем, вопреки высказанному в научной литературе суждению (Фицпатрик 2008: 253, 255), требование отказа от родителей не получило широкого распространения. Ю. Слезкин приводит важные данные: многие дети из Дома правительства на улице Серафимовича, оставшиеся без родителей, едва ли не молились на свои школы, которые их оберегали, и противопоставляли им другие, где, по слухам, отношение к их товарищам по несчастью отличалось нетерпимостью. Однако в реальности оказывалось, что и те, другие школы, поддерживали своих попавших в беду питомцев (Slezkine 2017: 888-891, 893-895). О каком-либо насилии над собой или надругательстве школы над чувствами к родителям не вспоминали бывшие дети “врагов народа”, опрошенные О. Файджесом в рамках проекта по устной советской истории (Figs 2008). А такие же респонденты, проинтервьюированные К. Фриерсон, утверждали, что школьные учителя и дирекция были для них “добрыми самаритянами”, и благодарность к ним они пронесли через свою дальнейшую жизнь (Friereson 2015). Как считает Р. Терстоун, и сама власть в период репрессий не навязывала детям примера Павлика Морозова, как и не дезавуировала семью в качестве важного социального института. А наряду с теми сотрудниками НКВД, которые пытались расшатать связь ребенка с семьей, находились и такие, которые искали родственников осиротевших детей, готовых взять их под опеку (Thurston 1991: 561, 565).

Главные усилия комсомольского актива рассматриваемого периода в детской среде направлялись на борьбу с идейно-политическими девиациями. И хотя их глубинное понимание не вербализовалось, судя по алгоритмам действий, оно опиралось на такие же морбиальные метафоры, в каких описывали свои впечатления очевидцы или фиксировали пережитый опыт жертвы репрессий². Отклонение от советской нормативности побуждало комсомольский актив к мерам в логике анти-эпидемиологической защиты: выделению носителя опасного “патогена”, его коммуникаций и изоляции от здоровой среды. Такая интенция явственно прослеживается в деле В.И. Шнапира, десятиклассника 455-й школы Москвы, мечтавшего о карьере дипломата и

---

² Морбиальная, т.е. относящаяся к болезни. Например, по воспоминаниям востоковеда Г.И. Левинсона, после ареста человека соседи и знакомые, как при “чумной заразе”, обрывали контакты с членами его семьи и даже переставали им подавать руку при встрече (Левинсон б.г.). Преподававший в институте инженеров транспорта Н.В. Устрялов говорил об “идеологическом карантине”, водворившемся там как “что-то склизкое, поминутно вызывающее брезгливость”: (Устрялов 1988: запись от 3 апреля 1937 г.). Н. Костерина после ареста отца характеризовала себя и своих товарищей по несчастью как “зачумленных” (Костерина 1964: запись от 29 августа 1939 г.)

водившего знакомство с детьми высоких советских чиновников, в том числе наркома иностранных дел М.М. Литвинова. В свете крайне невыгодной биографии Шнапира-старшего (бывший участник эсеровской группы Б. Савинкова, впоследствии меньшевик и депутат Учредительного собрания) общение его сына с отпрысками советских руководителей вызывало опасения в передаче им нездоровых взглядов и настроений. Даже при том, что Шнапиру-младшему было особенно нечего предъявить, а его родитель оставался на свободе, он был исключен из комсомола “за сокрытие прошлой деятельности отца”. Это наказание, наделявшее его “печатью отверженного” для элитных подростков, было призвано в упреждающей форме оградить их от его тлетворного влияния (“заражения”) (РГАСПИ: ф. М-1, оп. 23, ед. хр. 1265, л. 7). Еще более радикальные решения были приняты в отношении друга и одноклассника Шнапира Г. Иванова, сына бывшего владельца трактира. После исполнения приговора над осужденными по делу “троцкистско-зиновьевского центра” этот юноша заявил: “Шестнадцать человек расстреляли, семнадцать тысяч осталось”. Против Иванова также сработали наличие у него нагана и бахвальство перед товарищами тем, что он “мог бы убить любого из наших руководителей партии, кто бы подошел близко”. Как субъект, распространяющий контрреволюционные взгляды, склонный к терроризму и способный сколотить кружок единомышленников (иначе говоря, “инфицировать” коллектив), он был исключен из комсомола и арестован НКВД (РГАСПИ: ф. М-1, оп. 23, ед. хр. 1265, л. 7-9).

Основным приемом профилактической работы комсorgh становилось выявление детских обструкционистских цепочек, которое позволяло, с одной стороны, проследить маршрут распространения “инфекции”, а с другой, выйти на взрослых попустителей и главарей (“первоисточник заражения”). В лице последних комсомол приносил регулярную дань карательной системе, что хорошо просматривается во многих эпизодах. Например, ученик 6-го класса Можайской школы Грессер, исключенный за хулиганство, в знак протеста пронес в школу большой самодельный плакат: “Долой Сталина, да здравствует фашизм!”, а комсомол установил, что за его спиной стояла группа взрослых соседей. Обезвреженное после этого органами НКВД “гнездо контрреволюции” как раз в месте проживания шестиклассника указывало на комсомольскую наводку (ЦГАМ: ф. П-635, ед. хр. 178, л. 14-15). Когда в одной из школ Ростова-на-Дону стали циркулировать антисоветские анекдоты и разговоры о том, что в случае убийства Сталина “мы можем и без него строить социализм”, комсомольский дозор быстро вышел на их распространителя – 14-летнего подростка-сироту Макарку. В результате разбирательства дядя, у которого мальчик проживал некоторое время, был исключен из партии как “потерявший партийное чутье”, а также были исключены из комсомола и взяты в разработку НКВД его старшая сестра с мужем, оформившие над ним опеку (РГАСПИ: ф. М-1, оп. 23, ед. хр. 1184, л. 104-114). Комсомольские активисты В. Квиринг и Р. Воронцова сообщали редакции “Комсомольской правды” и органам НКВД об антисоветской группировке, которая собиралась по адресу “Покровский бульвар, дом 14, квартира 16” и объединяла подростков,

обиженных на власть из-за арестованных родителей (РГАСПИ: ф. М-1, оп. 23, ед. хр. 1234, л. 232-233). Несмотря на отсутствие сведений об официальной реакции на этот сигнал, можно не сомневаться в пристрастном изучении НКВД упомянутых в нем фактов и лиц, включая тех взрослых, которые допускали сборища на квартире.

Насколько были действенны комсомольские меры предупреждения и подавления идеологических перверсий, вместе с сопровождавшей их воспитательно-пропагандистской работой среди подростков? Обширный массив сводок и донесений показывает их крайне ограниченный эффект. Практически во всех школах РСФСР то и дело появлялись изображения свастики (РГАСПИ: ф. М-1, оп. 23, ед. хр. 1257, л. 98-99; ед. хр. 1234, л. 10-11). Многие ученики выражали симпатии к нацистской Германии, ее политике и лидерам (РГАСПИ: ф. 17, оп. 120, ед. хр. 237, л. 134; ед. хр. 238, л. 58). С. Дэвис усматривает в этих действиях проявление подрывного дискурса, с использованием запрещенной в СССР символики (Davies 1997: 96-97). Таким же смыслом были заряжены почти повсеместные в РСФСР акты вандализма, направленные на портреты советских вождей: прокалывание им глаз, прожигание рта, добавление усов, расстрел из рогаток, поливание мочой, забрасывание навозом (ЦГАМ: ф. П-634, ед. хр. 516, л. 119; РГАСПИ: ф. М-1, оп. 23, ед. хр. 1265, л. 51).

Но и вне хулиганского контекста юношество постоянно пересекало красные линии. Часть школьников практически по всем городам РСФСР выступала с декларациями, оспаривавшими идеологический канон, официальные оценки положения в стране и за рубежом, и даже заявляла о своем намерении вступить в борьбу с режимом (РГАСПИ: ф. М-1, оп. 23, ед. хр. 1234, л. 10-11; ед. хр. 1257, л. 35; ед. хр. 1265, л. 43). Неприятным сюрпризом для правительственных верхов стали отклики школьников на московские политические процессы: подростки подмечали искусственность и логические неувязки в обвинениях, высказывали недоумение по поводу мотивов борьбы с советской властью и свидетельствования против себя подсудимых. Отдельные ученики считали, что их признательные показания были добыты под пытками. Некоторые выражали сочувствие обвиняемым и их близким (ЦГАМ: ф. П-634, ед. хр. 527, л. 50; ед. хр. 516, л. 118, 122). Однако самый большой ажиотаж вызывала фигура Л.Д. Троцкого: среди школьников-книгоцеев появился повышенный спрос на его изъятые из библиотек сочинения и портреты; в шутку или всерьез некоторые были не прочь сблизиться с троцкистами и даже встать в их ряды (РГАСПИ: ф. М-1, оп. 23, ед. хр. 1234, л. 1; ед. хр. 1258, л. 20-21). Следует согласиться с современными авторами: притягательность фигуры Троцкого (при всей ее мифологизации) для части юношества обуславливалась тем, что она воплощала несогласие со сталинским режимом (Вязинкин и Якимов 2022: 1192).

Приведенный материал дает основания для вывода о том, что идейно-воспитательная работа комсомола и политический террор не поставили шлагбаума протестности учащихся. В свою очередь их безбоязненное вольнодумство указывало на довольно высокий порог терпимости контролирующих инстанций, не сопоставимый с бескомпромиссным отношением к взрослым фрондерам. Прямо или косвенно этот

факт подтверждается редким применением карательных санкций к несовершеннолетним бунтарям (Cuhг 1998:212; Бернштейн 2018: 100). Р. Терстоун полагает, что советское юношество в массе не испытало парализующего страха в период репрессий и в целом сохранило лояльность государству (Thurston 1996: 161-163). К выводу об относительно щадящем климате для школьников в период Большого террора подводит и Л. Холмс на основе изучения материалов Гарвардского проекта, отмечая позитивный и даже хвалебный лейтмотив воспоминаний бывших советских граждан о своем довоенном детстве и школьном опыте (Holmes 2005: 86-87).

Что касается интереса к Троцкому, критического восприятия московских политических процессов, о которых сообщали комсомольские донесения, то в действительности они отнюдь не являлись всеохватными для советского юношества. Как позволяют утверждать мемуарные и дневниковые свидетельства, настоящее отношение школьников к процессам было самым разным: индифферентным, характерным в особенности для сельской молодежи (Вологин 2003: 124); одобрительным: “били – бьем – и будем бить всех врагов, внутренних и внешних” (Абрамов 2017); нейтральным, основывающимся на осмыслении их как продолжения революции и гражданской войны (Зиновьев 2000: 99); резко негативным, нередко приводившим к идейному отложению от системы (Трушкин 2001: 69-70). А наскоки на официальную политику и идеологию, показывая политическую неустойчивость части юношества, еще не свидетельствовали о ее сложившихся антисоветских диспозициях.

4. *Учителя выходят на тропу войны*

С большой долей вероятности можно предполагать, что, делая упор на неблагонадежности учащихся и учителей, комсомольский актив стремился к наращиванию своего влияния в школе. Так, весной и в начале лета 1937 г. комсорги Москвы, Киева и других крупных городов поднимали вопрос об аполитичности или недостаточной политической подкованности учителей, мешавших им полноценно осуществлять воспитательные функции (РГАСПИ: ф. 17, оп. 1, ед. хр. 237, л. 15, 61). С этой подачи к началу 1937/1938 учебного года было подготовлено несколько площадок учительской политической учебы. Так же настойчиво комсомольское руководство лоббировало введение должности неосвобожденного школьного комсорга (в дополнение к освобожденному) для наблюдения за политической учебой учащейся молодежи (ЦГАМ: ф. П-4, оп. 8, ед. хр. 66, л. 23, 147-148). План массивной экспансии в школьное пространство довершали выдвинутые комитетами комсомола в начале июня 1937 г. притязания на то, чтобы в идущем учебном году курировать выполнение учебных программ по истории СССР и Конституции, а также провести фронтальную идеологическую проверку директоров и педагогов (ЦГАМ: ф. П-4, оп. 8, ед. хр. 66, л. 147-148).

Призрак комсомольской диктатуры, замаячивший у школьного порога, заставил учителей перейти к активной защите своей сферы деятельности. На первый взгляд, решению этой задачи благоприятствовала запущенная сверху в июле-августе

1937 г. кампания по зачистке руководства молодежной организации от тех, кто вел разгульный образ жизни, и рядового состава от тех, кто стоял у черты девиантного поведения (“троцкистских дегенератов” в официальной риторике) (Бернштейн 2018: 129, 140). Однако комсорги – представители низового звена, но не высшего аппарата ВЛКСМ, отбиравшиеся по критериям пригодности к работе в школах, не относились к целевым группам этой репрессивной кампании. Учителям потребовалась изрядная доля изворотливости и напористости, чтобы подвести те или иные промахи своих оппонентов под обвинение в морально-бытовом разложении, положенном в основу разоблачительного марафона.

Строго говоря, критерию “разложения” отвечал единственный прослеживаемый по документам прецедент – комсорга из Киева Добровольского, получивший большую огласку. В школьном коллективе он представился ветераном боевых действий на КВЖД в 1929 г., хотя это было блефом. Под предлогом выявленной среди учащихся контрреволюционной организации он собирал деньги для передачи в НКВД, а на самом деле их прикарманивал. Имея жену и ребенка, вступил в романтические отношения сразу с тремя девушками, одна из которых забеременела. Благодаря расторопным педагогам служба Добровольского быстро оборвалась (РГАСПИ: ф. 17, оп. 120, ед. хр. 237, л. 55). В других случаях резкие заявления и оргвыводы о деятельности комсоров явно превосходили меру их вины. Например, комсорг 277-й московской школы, заметивший возрастающий интерес мальчиков-шестиклассников к одноклассницам, рассказал им об устройстве мужского и женского организмов – этот поступок был расценен как потакание непристойным влечениям подростков. В 1937 г. был снят с работы и исключен из ВЛКСМ комсорг Крылов из 181-й московской школы за то, что по невниманию не воспрепятствовал выпуску школьной стенгазеты с портретами Троцкого и Каменева, принесенными из дома ученицей-редактором (ЦГАМ: ф. П-634, ед. хр. 516, л. 121). Нередко учителя предъявляли комсоргам претензии, которые в равной степени могли быть адресованы и им самим. Например, в марте 1938 г. комсоргам двух московских школ, где произошли самоубийства школьников, была поставлена на вид халатность: имея настораживающие сигналы о тяжелом психическом состоянии девушек, они не приняли “никаких мер к познанию этого дела” (ЦГАМ: ф. П-635, ед. хр. 167, л. 6-7).

Осенью 1937 г., в пик “побоища” комсоров, тех, кто прежде выступал операторами террора в школьных стенах, настиг бумеранг. Одни были уволены с формулировками – “за недостойное поведение”, “за бытовое разложение”, “как не справившиеся с работой”, т.е., по сути, с “волчьим билетом”. Другие, не дожидаясь принудительного расчета, ушли по собственному желанию, закрепив тем самым победный счет учителей (ЦГАМ: ф. П-635, ед. хр. 149, л. 130-131). Завершающим аккордом стало расширенное совещание школьных работников РСФСР в апреле 1939 г., на котором при поддержке главы НКП П.А. Тюркина большинство высказалось за упразднение должности комсоров на том основании, что они “глушат инициативу учащихся”. Однако по настоянию партийного руководства институт комсоров все же был сохранен.

Правда, количество желающих работать на данном поприще стало заметно отставать от запрашиваемого (РГАСПИ: ф. М-1, оп. 23, ед. хр. 1358, л. 4-6, 29-31). Недокомплект в абсолютном большинстве городов лишний раз подтверждал хорошо осознанную потенциальными претендентами незавидную перспективу работы в наблюдательном и ничего не прощающем педагогическом окружении.

5. *Заключение*

Противостояние учителей и комсоров стало одним из многих межгрупповых конфликтов, сопутствовавших и содействовавших репрессивным кампаниям второй половины 1930-х гг. (Junbae 2006: 68-69; Goldman 2007: 24, 92; Manning 2009: 220-221). Предпосылки острых коллизий в школьном сегменте были заложены комсомольским обследованием учебных заведений. Вскрыв множество проблем и недостатков, особенно в обращении с подростками из групп риска, оно запустило учительскую работу над ошибками. Однако параллельно оно резко усилило взаимное отторжение комсомольского актива и учительского корпуса. Гипотетически этот клинч мог быть преодолен с помощью согласования позиций, а также кооперации комсомола с органами правопорядка и управления образованием. Но в советском случае такая возможность исключалась, во-первых, из-за неукорененности подобных практик и неэффективности бюрократии, не раз отмечавшихся в научной литературе (Shearer 2009: 290; Baberowski 2016: 182). А, во-вторых, из-за “кумулятивной радикализации”, в рамках которой, по определению Л. Виолы, протекало становление советской молодежи со времен революции (Viola 2013: 14). Гораздо в большей степени, чем поиск компромиссов и рациональных решений, ее психологии соответствовала тактика “последнего решительного боя” с нежелательным социально-профессиональным компонентом, пересекавшаяся с ежовской программной установкой “раз и навсегда” решить проблемы государственной безопасности путем массовизации репрессий (Shearer 2009: 298).

Повернутая против педагогических кадров эта субверсивная энергия авангарда союзной молодежи проливалась и на детскую среду. Вразрез с намерением служить коммунистическому воспитанию, комсомольские активисты культивировали доносительство среди подростков. Вопреки изначальному поручению защитить своих подопечных от произвола взрослых, сами встали на этот путь, занявшись разрушением ниш подросткового неформального общения, выдавливанием “стигматизированных” индивидов из их коммуникационных сетей или навязыванием отдельным детям репрессированных “спасение” посредством отказа от родителей. А стремясь отвести удар карательных органов от несовершеннолетних, они перенаправляли его в сторону их близкого взрослого окружения, умножая в итоге детские потери. Укрепление позиций комсомола в школе угрожало интенсификацией данного курса.

В отличие от комсоров учителя были заинтересованы в неизбежности образовательного назначения школы, что заставляло их противиться ее втягиванию в поли-

тические разбирательства. Решение проблемы, однако, лежало в той же плоскости, в которой те разворачивались. Реверсивная схема действий, запущенная учителями против комсоргов, лишила тех власти и в значительной степени подорвала динамику Большого террора в школьном пространстве. Подтверждением служит резкий спад, вплоть до полного исчезновения, донесений о неосторожных политических высказываниях и антисоветских эскападах учителей и школьников в информационных материалах МГК, МК, ЦК ВЛКСМ и ЦК ВКП(б) за весь 1938 г, то есть еще задолго до того, когда по приказу Сталина в ноябре 1938 г. была спущена на тормоза машина террора. Равным образом эти документальные массивы не содержат информации о восприятии школьниками третьего московского процесса, проходившего в марте 1938 г. Данный факт представляется особенно впечатляющим в свете повышенного интереса Сталина к откликам на дело “правотроцкистского центра” и ежедневного поступления к нему таких сводок из разных мест (Хаустов, Самюэльсон 2010: 173).

Разумеется, политическое руководство страны получало информацию не только от комсомола. Однако сводки партийных комитетов отличались относительной сдержанностью и даже оптимистической тональностью (Соколов 1998: 8; Голубев 2017: 375-376). А государственные органы, в данном случае – НКП РСФСР и его местные отделения предпочитали не выносить сор из избы, что подтверждается скупостью сведений о политически окрашенных проступках школьников в их документации. Впрочем, и НКВД, как уже было замечено, сталкиваясь с массовыми проявлениями подросткового нонконформизма, не проявлял склонностей завышать планку их социальной опасности. Таким образом, ударив по наиболее рьяному отряду осведомителей в лице комсоргов, учительство устранило связанную с ним опасность превращения школы в объект полноценных политических расследований и чисток. Можно выдвинуть гипотезу: эта консолидированная позиция явилась своего рода “месседжем” и для чекистов, сдерживавшим их преследование несовершеннолетних критиков системы. Во всяком случае в Москве и других крупных центрах, где она четко обозначилась, было бы крайне трудно сфабриковать дело о масштабном и разветвленном “контрреволюционном заговоре” школьников, как это было проделано руководством НКВД Ленинска Кузнецкого в феврале-марте 1938 г. (Thurston 1996; Тепляков 2011)³ или же арестовать 59 детей по политическим мотивам, как это имело место в 1937-1938 гг. в Пермском крае (Обухов 2020)⁴.

Как социальный институт советская школа к описываемому времени достигла зрелости, позволившей наиболее организованной и сплоченной группе учителей противостоять интервенции террора на территории детства и существенно снизить издержки от потрясений в социуме для подрастающего поколения.

³ Однако почти все задержанные подростки были вскоре выпущены на свободу, а в конце 1938 г. на чекистов-виновников их задержания было заведено уголовное дело.

⁴ Правда, и здесь больше половины арестованных были вскоре освобождены за отсутствием состава преступления.

Сокращения

ГАРФ:	Государственный Архив Российской Федерации
РГАСПИ:	Российский Архив Социально-Политической истории
ЦГАМ:	Центральный Государственный Архив Москвы

Литература

- Абрамов 2017: А.Г. Абрамов, *Дедушкины записки*, Москва 2017, <<http://corpus.prozhito.org>>.
- Андреев 2008: А.Л. Андреев, *Российское образование. Социально-исторические контексты*, Москва 2008.
- Бернштейн 2018: С. Бернштейн, *Воспитанные при Сталине. Комсомольцы и защита социализма*, Москва 2018.
- Васильев и др. 2017-2018: В. Васильев, С. Кокин, М. Юнге, Л. Виола, Дж. Россман, *Эхо большого террора*, I-III, Москва 2017-2018.
- Вологин 2003: А.Г. Вологин, *Крутые повороты. Воспоминания*, Шадринск 2003.
- Вязинкин, Якимов 2022: А.Ю. Вязинкин, К.А. Якимов, *Советская молодежь и троцкизм в годы "Большого террора" 1930-х гг. в СССР. По архивным источникам*, "Вестник архивиста", 2022, 4, с. 1185-1197.
- Голубев 2017: А.В. Голубев, "Вопреки народному сомнению, пакт настоящий": советско-германский договор о ненападении 1939 г. и советское общество, "Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия", 2017, 8, с. 374-396.
- Зиновьев 2000: А.А. Зиновьев, *Русская судьба. Исповедь отщепенца*, Москва 2000.
- Костерина 1964: *Дневник Нины Костериной*, Москва 1964, <<http://corpus.prozhito.org>>.
- Кур-Королев 2011: К. Кур-Королев, *Новый человек, или социальная инженерия при сталинизме: некролог по мечтам о новом человеке*, в: *История сталинизма. Итоги и проблемы изучения. Матер. межд. науч. конф.*, Москва 2011, с. 372-377.
- Левинсон б. г.: Г. Левинсон, *Воспоминания*, <<http://corpus.prozhito.org>>.
- Лягушкина 2016: Л.А. Лягушкина, *Социальный портрет репрессированных в РСФСР в ходе Большого террора (1937-1938 гг.): сравнительный анализ баз данных по региональным "книгам памяти"*, канд. дисс., Москва 2016.

- Обухов 2020: А.А. Обухов, *Репрессии против детей в период “Большого террора”*, “Вестник ТвГУ. Серия История”, 2020, 2, с. 58-72.
- Соколов 1998: А.К. Соколов (ред.), *Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах*, Москва 1998.
- Суслов 2011: А.Б. Суслов, *Дети под следствием НКВД в годы Большого террора (по материалам Пермского края)*, в: *История сталинизма: репрессированная российская провинция. Матер. междунауч. конф.*, Москва 2011, с. 191-194.
- Тепляков 2011: А.Г. Тепляков, “*Детское дело*” в Кузбассе: к вопросу о подоплеке открытого процесса 1939 г. над чекистами – “нарушителями законности”, в: *Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сборник материалов франко-российского семинара*, Новосибирск 2011, с. 141-154.
- Трушкин 2001: В.П. Трушкин, *Друзья мои... дневники. Очерки. Статьи. Автографы и воспоминания друзей*, Иркутск 2001.
- Устрялов 1998: “*Служить Родине приходится костями...*”: Дневник Н. В. Устрялова, 1935-1937 гг., “Источник”, 1998, 5-6, с. 3-100, <<http://corpus.prozhito.org>>.
- Фицпатрик 2008: Ш. Фицпатрик, *Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город*, Москва 2008.
- Хаустов, Самуэльсон 2010: В. Хаустов, Л. Самуэльсон, *Сталин, НКВД и репрессии 1936-1938 гг.*, Москва 2010.
- Юинг 2011: Е.Т. Юинг, *Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг.*, Москва 2011.
- Юнге, Биннер 2003: М. Юнге, Р. Биннер, *Как террор стал “большим”. Секретный приказ №00447 и технология его исполнения*, Москва 2003.
- Alexopoulos 2008: G. Alexopoulos, *Stalin Practices and the Politics of Kinship of Collective Punishment, 1920s-1940s*, “Comparative Studies in Society and History”, 2008, 1, с. 91-117.
- Baberowski 2016: J. Baberowski, *Scorched Earth. Stalin's Reign of Terror*, New Haven 2016.
- Davies 1997: S. Davies, *Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda and Dissent, 1934-1941*, Cambridge 1997.
- Ertz 2008: S. Ertz, *Making Sense of the Gulag: Analyzing and Interpreting the Function of the Stalinist Camp System*, Stanford 2008, <www.warwick.ac.uk/go/persa>.
- Ewing 2009: E.T. Ewing, *A Precarious Position of Power: Soviet School Directors in the 1930s*, “Journal of Educational Administration and History”, 2009, 3, с. 253-266.

- Figes 2008: O. Figes, *Private Life in Stalin's Russia: Family Narratives, Memory and Oral History*, "History Workshop Journal", 2008, 65, c. 117-137.
- Fitzpatrick 2002: Sh. Fitzpatrick, *Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921-1934*, Cambridge 2002.
- Frierson 2015: C. Frierson, *Silence was Salvation: Child Survivors of Stalin's Terror and World War II in the Soviet Union*, New Haven 2015.
- Fürst 2006: J. Fürst, *In Search of Soviet Salvation: Young People Write to the Stalinist Authorities*, "Contemporary European History", 2006, 3, c. 327-345
- Fürst 2008: J. Fürst, *Between Salvation and Liquidation: Homeless and Vagrant Children and the Reconstruction of Soviet Society*, "Slavonic and East European Review", 2008, 2, c. 232-258
- Getty 1998: A. Getty, *Afraid of Their Shadows: the Bolshevik Recourse to Terror, 1932-1938*, в: M. Hildermeier (ed.), *Stalinism vor der Zweiten Weltkrieg / Stalinism Before the Second World War*, München 1998, c. 169-192.
- Goldman 2007: W. Z. Goldman, *Terror and Democracy in the Age of Stalin. The Social Dynamics of Repression*, Cambridge 2007.
- Holmes 1997: L.E. Holmes, *Part of History: The Oral Record and Moscow's Model School. No. 25, 1931-1937*, "Slavic Review", 1997, 2, c. 279-306.
- Holmes 1999: L.E. Holmes, *Stalin's school. Moscow's model school № 25, 1931-1937*, Pittsburgh 1999.
- Holmes 2005: L.E. Holmes, *School and Schooling Under Stalin, 1931-1953* в: B. Eklof, L.E. Holmes, V. Kaplan (eds.), *Educational Reform in Post-Soviet Russia: Legacies and Prospects*, Oxford -New York 2005, p.56-101.
- Holmes 2008: L.E. Holmes, *Kirov's School No 9: Power, Privilege, and Excellence: the Provinces, 1933-1945*, Kirov 2008.
- Hooper 2013: C. Hooper, *Trust in Terror? The Search for a Foolproof Science of Soviet Personnel*, "The Slavonic and East European Review", 2013, 1, c. 26-56.
- Holguist 2003: P. Holguist, *State Violence as Technique: the Logic of Violence in Soviet Totalitarianism*, в: A. Weiner (ed.), *Landscaping the Human Garden. Twentieth-Century Population Management in a Comparative Framework*, Stanford 2003, c. 128-156.
- Junbae 2006: J. Junbae, *Soviet Trade Unions and the Great Terror*, в: M. Ilic (ed.), *Stalin's Terror Revisited*, New York 2006, c. 68-89.
- Kelly 2007: C. Kelly, *Children's World: Growing Up in Russia, 1890-1991*, New Haven-London 2007.
- Kuhr 1998: C. Kuhr, *Children of "Enemies of the People" as Victims of the Great Purges*, "Cahiers du Monde russe", 1998, 1-2, c. 209-220.

- Manning 2009: R.T. Manning, *Political Terror or Political Theater: the "Raion" Show Trials of 1937 and Mass Operations*, "Russian History", 2009, 2, c. 219-253.
- Plaggenborg 2001: St. Plaggenborg, *Jugend in Sowjet Russland zwischen den Weickriegen*, в: C. Kuhr-Korolev, St. Plaggenborg, M. Wellman (Hrsg.), *Sowjetjugend 1917-1941. Generation zwischen Revolution und Resignation*, Essen 2001, c. 287-304.
- Rittersporn 2001: G.T. Rittersporn, *Between Revolution and Daily Routine: Youth and Violence in the Soviet Union in the Interwar Period*, в: C. Kuhr-Korolev, St. Plaggenborg, M. Wellman (Hrsg.), *Sowjetjugend 1917-1941. Generation zwischen Revolution und Resignation*, Essen 2001, c. 63-82.
- Shearer 2009: D.R. Shearer, *Policing, Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924-1953*, New Haven-London 2009.
- Shearer 2018: D. Shearer, *Stalin at War, 1918-1953. Patterns of Violence and Foreign Threat*, "Jahrbücher für Geschichte Osteuropas", 2018, 2, c. 188-217.
- Slezkine 2017: Yu. Slezkine, *The House of Government. A Saga of the Russian Revolution*, Princeton 2017.
- Thurston 1991: R.W. Thurston, *The Soviet Family during the Great Terror, 1935-1941*, "Soviet Studies", 1991, 3, c. 553-574.
- Thurston 1996: R.W. Thurston, *Life and Terror in Stalin's Russia, 1934-1941*, New Haven-London 1996.
- Viola 2013: L. Viola, *The Question on Perpetrator in Soviet History*, "Slavic Review", 2013, 1, c.1-23.
- Weiner 2002: A. Weiner, *Making Sense of Revolution. The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*, Princeton 2002.

Abstract

Irina Volkova

The Great Terror and the Soviet School

The article examines how the Great Terror manifested within the Soviet education system, focusing on a conflict between teachers and Komsomol organizers. It explores how, amidst intensifying state repression, what began as ordinary interdepartmental tensions quickly escalated into a political confrontation. While teachers sought to preserve the school's educational mission, Komsomol activists attempted to embroil the school in political purges. The teachers' victory over the Komsomol organizers was achieved through means legitimized by the state terror – such as denunciations, the application of ideological labels, and the expulsion of opponents from the school community. Nevertheless, this victory undermined the impact of the Great Terror on schools and students. Thanks to the position taken by teachers, the school avoided the influence of destructive societal processes and largely succeeded in preserving the younger generation's trust in the system, including that of most children whose parents had been arrested.

Keywords

Great Terror; Mass School; Political Purges.